

УДК 17.025

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-173-180

Н.Ф. Федоров и традиция отечественной нравственной философии

Чернышова Е.В.

Московский государственный институт культуры,
Россия, 141406, г. Химки, Московская обл., ул. Библиотечная д.7
7828706@mail.ru

Аннотация. Обращение к фигуре Н.Ф. Федорова обусловлено, с одной стороны, возросшим в последнее время интересом к философии русского космизма, а с другой, – непрекращающейся полемикой по поводу своеобразия русской философии. В работе проводится компаративный анализ различных философских традиций (античной и западноевропейской), в результате чего русская традиция философии предстает преимущественно как нравственная философия. Обосновывается идея, что фигура Н.Ф. Федорова является одной из наиболее показательных в плане выражения духа русской нравственной философии. Как критик спекулятивной философии, «пассивного» христианства и «бессовестной» науки мыслитель является творцом оригинального нравственного проекта («супраморализма»), в котором долг выступает не только как этическая категория, но как синтез этики, онтологии, религии, искусства и социальной практики.

Ключевые слова: язык философии, русская философия, Н.Ф. Федоров, аксиология, соборность, смерть, этика, русская культура

Для цитирования: Чернышова Е.В. 2024. Н.Ф. Федоров и традиция отечественной нравственной философии. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(1): 173–180. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-173-180

N.F. Fedorov and the Tradition of Russian Moral Philosophy

Evgenia V. Chernysheva

Moscow State Institute of Culture,
7 Bibliotechnaya St, Khimki, Moscow region 141406, Russia
7828706@mail.ru

Abstract. The article is devoted to some important issues of Russian philosophy. The appeal to the figure of N. F. Fedorov is due, on the one hand, to the recent increased interest in the philosophy of Russian cosmism, and on the other, to the ongoing controversy about the originality of Russian philosophy. This controversy has been going on for almost two centuries since the time of P. Ya. Chaadaev. The article provides a comparative analysis of various philosophical traditions (antique, Western European and Russian). The idea is substantiated that the languages of philosophy are a reflection of national axiology, as a result of which the Russian tradition of philosophy appears mainly as a moral philosophy. The idea is substantiated that the figure of N. F. Fedorov is one of the most significant in terms of expressing the spirit of Russian moral philosophy. As a critic of speculative philosophy, "passive" Christianity and "unscrupulous" science, the thinker is the creator of an original moral project ("supramoralism"), in which

duty is not only an ethical category, but also a synthesis of ethics, ontology, religion, art and social practice.

Keywords: language of philosophy, Russian philosophy, N.F. Fedorov, axiology, catholicity, death, ethics, Russian culture

For citation: Chernysheva E.V. 2024. N.F. Fedorov and the Tradition of Russian Moral Philosophy. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 173–180 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-173-180

Введение

Вопрос о самобытности русской философии не исчезает с горизонта отечественной полемической мысли, постоянно возникая в самых острых и радикальных вариантах. Этот вопрос вписан в топику национальной духовной культуры и представляет собой инвариант отечественной интеллектуальной традиции. П.Я. Чаадаев первый задал интонацию скепсиса по поводу наших умственных способностей в своих «Философических письмах», в которых не без пафоса восклицал: «Все нам недостает известной уверенности, умственной методичности, логики. Западный силлогизм нам незнаком. Наши лучшие умы страдают чем-то большим, нежели простая неосновательность. Лучшие идеи, за отсутствием связи или последовательности, замирают в нашем мозгу и превращаются в бесплодные призраки» [Чаадаев, 1998, с. 45].

С тех пор сформировалась традиция не только подвергать сомнению самобытность русской философии, но и вообще ее бытие, которое часто подлежит отрицанию. Даже такой блестящий знаток русской философии, как Г.Г. Шпет, применял к ней достаточно уничижительный термин «невегласие». В «Очерках развития русской философии» он писал: «*Невегласие* та почва, на которой произрастала русская философия. <...> История русской философии как мысли, проникнутой духом утилитаризма, есть история донаучной философской мысли – история философии, которая не познала себя как философию свободную, не подчиненную, философию *чистую*, философию-знание, философию как искусство» [Шпет, 1991, с. 255, 258].

Позицию таких русских мыслителей, как П.Я. Чаадаев и Г.Г. Шпет, без которых немислима история отечественной философии, можно рассматривать как провокационно-стимулирующую, способствующую поиску самобытности русской философии. Среди существующих подходов выделяется линия, идущая от В. В. Зеньковского, полагать нравственную проблематику основополагающей для русской философии. Из современных авторов, разделяющих эту точку зрения, следует назвать М.Н. Громова [1990], А.Ф. Замалева [1995], В.Н. Назарова [2006].

В этом контексте представляет интерес фигура Н.Ф. Федорова не только как основоположника русского космизма, к которому возрастает значительный интерес в последнее время, но и как одного из наиболее ярких выразителей нравственного духа русской философии. Здесь можно отметить и классических, и современных авторов, среди которых Н.А. Бердяев [2004], В.А. Кожевников [2004], М.А. Абрамов [2007], В. Меденица [2022]. Однако глубина и оригинальность нравственного учения Н.Ф. Федорова требуют дальнейшего изучения. Это и определило наше обращение к заявленной тематике.

Языки философии как отражение национальной аксиологии

Достаточно распространенный в историографии подход Г.Г. Шпета предполагает прежде всего ориентацию за *западный канон философии*, согласно которому философия есть рациональная форма знания и в этом смысле является наукой. Возможно, и высшей

наукой, и даже «царицей наук», но все же наукой. Этот подход идет от Аристотеля, от его понимания философии в общей системе знаний. Он полагал, что удивление побуждает людей философствовать, но удивляющийся считает себя незнающим, поэтому и «начали философствовать, чтобы избавиться от незнания» [Аристотель, 1975, с. 69]. И философия поэтому есть наука о причинах и началах, которые нужно познать: «А наиболее достойны познания первоначала и причины, ибо через них и на их основе познается все остальное, а не они через то, что им подчинено» [Аристотель, 1975, с. 69]. Метафизика удивления трансформируется в теорию познания, давая начала уже различным эмпирическим наукам осуществлять свои эпистемологические задачи. Такова очевидная *гносеологическая основа аристотелевской философии*, преимущественно развившаяся в западной рационалистической традиции.

Собственно говоря, и в древнегреческой философии аристотелевский дискурс философии не является единственным. Как пишет известный историк древнерусской философии М.Н. Громов, «уже в античной философии мы видим различные школы и типы философствования. Великий Сократ, ставший на века «олицетворением философии», не писал никаких сочинений и проявил себя в остроумных диалогах и в том, что можно назвать практической моралью. Платон выражал свои мысли в творениях, равно принадлежащих античной литературе и философии. Аристотель же тяготел к энциклопедизму и формально-логическому изложению своих идей» [Громов, 1990, с. 27].

Таким образом, в контексте древнегреческой философии были сформированы три дискурса (языка) философии, которые затем нашли свое воплощение и в европейской, и в русской философии. В этом смысле западная рационалистическая философия как наследница аристотелевской философии при всех ее приоритетных позициях в плане организации философии как социального феномена является лишь одной традицией в контексте *мировой философии*. Последняя есть совокупность различных национальных философских традиций, в которой каждая имеет свой полноправный и полноценный голос. Единство мировой философии, конечно, абстракция, поскольку единство главных тем не предполагает единства воплощения. А при своем конкретном воплощении каждая национальная философия сталкивается с народной, *национальной аксиологией*. Универсальная философия всегда существует в преломленном виде через национальные ценности и приоритеты. Нельзя игнорировать ни то, ни другое, ни универсальное, ни локальное. В этом смысле можно говорить о *различных языках философии*, проявленных конкретно в той или иной национальной культуре.

С нашей точки зрения, философия как таковая – это не столько ее школьная трактовка как любовь к мудрости, хотя именно такой ее образ получил наиболее широкое распространение; также философия не столько поиск истины (смысла), не теоретическое искание Бога, не «критический догматизм», а *захваченность Бытием*. В этом плане философское удивление отлично от научного познания и религиозной веры. И всегда важно соблюдать эти границы, чтобы философия не становилась то «служанкой теологии», то «служанкой естествознания», то «служанкой идеологии», то «служанкой технологий» и т. д.

Важность национальной аксиологии является определяющей при формировании духа той или иной национальной философии. Так, *греческая философия* приобретает преимущественно эстетические тона; *западноевропейская* – гносеологические; *русская*, соответственно, нравственные. При этом сама философия онтологична, ее метафизическая основа – это Бытие. Но отношение к Бытию различно: в Греции – красота Бытия, на Западе – познание Бытия, в России – переживание «больного Бытия». Такова национальная аксиология в России, для этого более всего подходит понятие *нравственная философия*, не *теоретическая этика*, а именно нравственная философия с ее нетрактатностью, недогматичностью, литературоцентричностью.

Н.Ф. Федоров и нравственный дух русской философии

Обращение к «философии общего дела» Н.Ф. Федорова позволяет охарактеризовать ее именно в терминах нравственной философии, что соответствует глубинной этикоцентричности отечественной философии и культуры в целом. Здесь необходимо привести программный тезис В.В. Зеньковского, который в своей фундаментальной «Истории русской философии» на основании изучения огромного материала пришел к такому заключению: «Если уж нужно давать какие-либо общие характеристики русской философии, – что само по себе никогда не может претендовать на точность и полноту, – то я бы на первый план выдвинул *антропоцентризм* русских философских исканий. Русская философия *не теоцентрична* (хотя в значительной части своих представителей глубоко и существенно религиозна), *не космоцентрична* (хотя вопросы натурфилософии очень рано привлекали к себе внимание русских философов), – она больше всего занята *темой о человеке*, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории. Прежде всего это сказывается в том, насколько всюду доминирует (даже в отвлеченных проблемах) *моральная установка*: здесь лежит один из самых действенных и творческих истоков русского философствования. Тот «панморализм», который в своих философских сочинениях выразил с исключительной силой Лев Толстой, – с известным правом, с известными ограничениями может быть найден почти у всех русских мыслителей, – даже у тех, у которых нет произведений, прямым образом посвященных вопросам морали (например, у Киреевского)» [Зеньковский, 1991, с. 16].

А вот точка зрения современного известного исследователя русской философии А.Ф. Замалева, который в статье «Фазисы русской нравственности» пишет: «Преобладание этического момента всегда составляло характерную черту русской философии. Этот «панморализм», сложившийся преимущественно на почве православия, окрашивает мировоззрение почти всех отечественных мыслителей, даже тех, которые не занимались непосредственно вопросами морали» [Замалева, 1995, с. 5]. И еще одно мнение современного исследователя для полноты картины. Т.В. Артемьева пишет: «Моральная аргументация, моральное обоснование теоретической концепции, достижение нравственного идеала как цель философствования – вот характерные черты метафизики в России» [Артемьева, 1996, с. 68]. Классик и современники сходятся в своих оценках русской мысли, и это не случайно. Этикоцентризм или панморализм действительно есть та духовная почва русской культуры, из которой вырастает русская философия.

Именно в этом контексте и следует рассматривать и личность Н.Ф. Федорова и его учение как исключительно русские, в которых проявился *нравственный дух русской философии и культуры*. Художник Л.О. Пастернак сказал про Н.Ф. Федорова: «этот великий русский человек и философ» [Пастернак, 2008, с. 226], дав очень точную и глубокую характеристику мыслителю. Н.А. Бердяев, очень хорошо знавший Федорова и ценивший его именно за его глубинную русскость, в своем главном труде «Русская идея» говорил, что он «русский из русских» [Бердяев, 1990, с. 180], а в одной из статей писал: «Федоров – мыслитель характерно русский, и все его идеи и мечты глубоко русские» [Бердяев, 2004, с. 70]. Эти наблюдения Бердяева точны и вскрывают самый корень федоровского мировоззрения как мировоззрения истинно русского.

Главная «мечта» Н.Ф. Федорова, в более верной терминологии «проект», – это всеобщее воскрешение всех умерших предков, что является нравственным долгом живущих сынов перед умершими отцами. Эта мысль на разные лады у Федорова проходит рефреном через все его тексты. Достаточно емко она выражена так: «Воскрешение есть самая высшая и безусловно всеобщая нравственность» [Федоров, 1995, с. 388]. Воскрешение для него абсолютно и безусловно, оно не требует никаких оговорок, никаких компромиссов. И в этом проявляется известный максимализм и абсолютизм русского характера, не тер-

пящего полутонов, полумер, каких-то политкорректных решений. Такой «деятельный максимализм», свойственный учению Н.Ф. Федорова, по мнению исследователя М.А. Абрамова, присущ и русскому космизму в целом, о котором он говорит, что «это идейное течение призывает к *максимальному* дерзанию во благе и ни в коем случае не обожествляет обусловленность вместе с ее дурными сторонами» [Абрамов, 2007, с. 9]. Такой максимализм стремления вернуть жизнь всем умершим можно расценивать как *абсолютную нравственность*, или, как это называет Н.О. Лосский, «искание абсолютного добра»: «К числу первичных, основных свойств русского народа принадлежит выдающаяся доброта его. Она поддерживается и углубляется исканием абсолютного добра и связанной с нею религиозностью народа» [Лосский, 1991, с. 289]. Федоровское воскрешение в этом контексте является безусловно *абсолютно добром*, что является определяющей характеристикой нравственного характера русского народа.

Нравственность как всеобщее спасение

Эта глубинная нравственная черта русского народа является, безусловно, христианской, православной. И учение Н.Ф. Федорова как бы стяжает в один духовный узел и положительные черты русского народа, и православное учение о спасении, которые совпадают в высшей точке своего бытия, образуя подлинное своеобразие русской философии. Это *соборная идея всеобщего спасения*. Выдающийся русский философ, глава московской школы философии права П.И. Новгородцев, характеризуя существо русского православного сознания, отмечает: «Православное сознание основано на убеждении в общей нравственной и религиозной ответственности каждого за всех и всех за каждого: тут в основе лежит идея спасения людей не индивидуального и обособленного, а совместного и соборного, совершаемого действием и силой общего подвига веры, молитвы и любви» [Новгородцев, 1995, с. 411].

Нравственная ответственность каждого за всех и всех за каждого в равной мере присуща и Ф.М. Достоевскому и Н.Ф. Федорову. В этом заключается существенное отличие от западного понимания ответственности, в основании которого космологическое и юридическое понимание вины человека, который исключительно в индивидуальном плане должен понести за нее ответственность. У истоков подобного мышления известно высказывание Анаксимандра, которое часто вообще воспринимается как исток западного мышления. Напомним его: «А из чего возникают все вещи, в то же самое они и разрешаются согласно необходимости. Ибо они за свою нечестивость несут наказание и получают возмездие друг от друга в установленное время» [Гусейнов, Иррилиц, 1987, с. 29].

В истории философии было много различных версий по поводу того, что же это за «нечестивость», за которую они претерпевают «наказание». Но бесспорным является то, что за *неизвестную вину* отдельные вещи несут *индивидуальное* наказание. Здесь исток западного индивидуализма и эгоизма, которые стали доминирующими чертами социальной и духовной традиции этой культуры, что находило особо острое неприятие со стороны Н.Ф. Федорова, который выработал такую *соборную формулу нравственности*: «Нравственность, этика объединения живущих, или сынов умерших отцов, требует от каждого: Жить не для себя, но и не для других, а *со всеми живущими для оживления всех умерших*, т. е. требует ни эгоизма, ни альтруизма, при которых страдание, а стало быть и смерть (зло) неизбежны для всех, а *мнимое* кратковременное благосостояние лишь для немногих – такова нынешняя жалкая нравственность» [Федоров, 1997, с. 310]. Это, можно сказать, *золотое правило русской нравственности*, в котором всегда делается акцент на всеобщих, а не частных аспектах морального поступка.

У Ф.М. Достоевского с особой силой звучит *идея всеобщей нравственной ответственности*, в контексте которой *вина становится бедой*: «...не только о личной вине преступника, но и о его беде, то есть о том, что ему не подвластно, пребывает вне его и

вместе с тем неумолимо подталкивает к пропасти» [Бачинин, 2001, с. 265]. Это понимание писатель вынес из каторги, в которой понял, что преступление – это в большей степени несчастье, нежели вина, а преступник – несчастный, попавший в беду. Мысль Достоевского, что все за всех виноваты, не снимает, конечно, личной ответственности с преступника, но указывает на более высокий план, в котором царит всеобщая нравственная ответственность. Вот почему даже самый падший человек достоин милосердия и сострадания, достоин прощения.

У Н.Ф. Федорова эта идея выглядит как необходимость воскрешения всех и каждого, когда бы либо живших на земле людей: «Нравственное противоречие *«живущих сынов»* и *«отцов умерших»* может разрешиться только долгом всеобщего воскрешения» [Федоров, 1995, 258]. Сербский философ Владимир Меденица связывает идеи Ф.М. Достоевского и Н.Ф. Федорова через мысль о *всеобщей ответственности*: «Своей идеей ответственности всех за всех, идеей, что все виноваты за все, что в "мертвом доме" гибнут лучшие русские силы, Достоевский, так сказать, *via negative* подошел к общему делу преодоления греха, преобразования и всеобщего спасения. Нельзя спастись одному, можно спастись только вместе с другими, через общее дело "со всеми и для всех"» [Меденица, 2022, с. 198].

Вот этот акцент на всеобщем у Ф.М. Достоевского и Н.Ф. Федорова есть *исконное соборное свойство* и православия, и русской души, в равной мере не терпящей никакого индивидуализма ни в наказании, ни в спасении. Это действительное, реальное отличие русской философии прежде всего от западноевропейской, где всегда индивидуальность, одинокая, отчужденная, несчастная в своем одиночестве, но свято хранимая индивидуальность, становится в частном быту уже священной приватностью.

Помимо теоретических аспектов философского учения Н.Ф. Федорова, явно вписывающих его в контекст русской философии и культуры, так же важны и его личные человеческие черты, которые являются чертами истинного русского человека. Вот, например, как характеризует мыслителя его ближайший ученик В.А. Кожевников: «Как обидно за человечество, что жизнь и деятельность этого подвижника долга и величавого борца за истину и правду, этого человеколюбца, единственной целью которого было всеобщее благо и всеобщее спасение, оставались недостаточно оцененными, а широкому кругу даже совсем неизвестными! Причиной тому была отчасти удивительная скромность покойного, не только полное отсутствие в нем тщеславия, но даже боязнь известности и похвалы. Не было человека, который охотнее его со всеми делился бы неисчерпаемыми сокровищами своих знаний и своего глубокого, вдумчивого, оригинального ума, но в этих проявлениях своего духовного богатства он совершенно забывал о себе, забывал настолько, что из общения своими мыслями с кем-либо и в какой бы то ни было форме он исключал все личное, авторское. Как в материальном отношении этот бедняк отрешился от всякой собственности и, при самых скудных средствах, отдавал все, что имел, первому нуждающемуся или первому просившему, так же точно относился он и к своему духовному богатству» [Кожевников, 2004, с. 231].

В этих словах дана исчерпывающая характеристика нравственного облика Н.Ф. Федорова как русского человека. Это, конечно, важно, поскольку личные черты характера автора всегда отражаются на его теоретических построениях.

Сам проект Н.Ф. Федорова (при всей кажущейся его синтетичности – научности и религиозности) – это ответ нравственной философии на *вызов смерти*, с которым не смогли в полной мере справиться ни науки, ни религия. Он так же критикует спекулятивную философию, как и пассивную религию, и бесплодную науку. Именно потому, что ни наука, ни религия не одолели смерть и возникает его проект. Мысль Н.Ф. Федорова о воскрешении всех умерших предков связана поэтому с напряженнейшими размышлениями о смерти. И хотя *memento mori* представляет собой центр рефлексии одновременно и для

философии, и для религии, именно в России она достигает невероятных пределов. Знаток и ценитель Н.Ф. Федорова русский философ В.Н. Ильин очень точно выразился по этому поводу в статье с говорящим названием «Иночество – основа русской культуры и русской поэзии»: «Россия не есть страна дешевого оптимизма, тяготение к скорбным глубинам присуще ей по природе» [Ильин, 1960, с. 5]. И в этом смысле учение Н.Ф. Федорова также вписывается в глубоко аскетичную суть русской жизни и культуры, из глубин которой только и могла возникнуть идея о всеобщем воскрешении.

Таким образом, необходимо понять, что учение Н.Ф. Федорова – альтернатива существующей науке, безучастной к смертной судьбе человека, и существующей религии пассивного христианства, и в этом его глубина именно как *нравственного мыслителя*. Именно в этом перспектива нравственной философии Н.Ф. Федорова, которая выражает специфику отечественной философской ментальности, делая самого мыслителя одним из главных выразителей нравственного духа русской философии.

Список источников

- Аристотель. 1975. Метафизика. Т.1. М., Мысль, 551 с.
Бердяев Н.А. 1990. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. О России и русской философской культуре. М., Наука: 43–272.
Бердяев Н.А. 2004. Пророчества Н.Ф. Федорова о войне. Бердяев Н.А. Мутные лики (Типы религиозной мысли в России). М., Канон+: 64-71.
Зеньковский В.В. 1991. История русской философии. Том I. Часть I. Ленинград, ЭГО, 222 с.
Ильин В.Н. 1960. Арфа Царя Давида в русской поэзии. Брюссель, Изд-во «Жизнь с Богом», 75 с.
Новгородцев П.И. 1995. Существо русского православного сознания. Сочинения. М., Раритет, 448 с.
Кожевников В.А. 2004. Николай Федорович Федоров. Н.Ф. Федоров: pro et contra. СПб., РХГА, Кн. 1: 231-352.
Лосский Н.О. 1991. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М., Политиздат, 368 с.
Чаадаев П.Я. 1898. Статьи и письма. М.: Современник, 623 с.
Шпет Г.Г. 1991. Очерк развития русской философии. Свердловск, Изд-во Урал. Ун-та, 592 с.
Федоров Н. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1995–1999.

Список литературы

- Абрамов М.А. 2007. Русский космизм: идея единства культуры и многоплановая реальность. Автореферат дисс...ии на соискание уч. ст. доктора культурологии. Саранск. 47 с.
Артемьева Т.В. 1996. История метафизики в России XVIII века. СПб., Алетейя, 320 с.
Бачинин В.А. 2001. Достоевский: метафизика преступления: Худож. феноменология русского протомодерна. СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 407 с.
Громов М.Н., Козлов Н.С. 1990. Русская философская мысль X–XVII веков. М., Изд-во МГУ, 288 с.
Гусейнов А.А., Иррилиц Г. 1987. Краткая история этики. М., Мысль, 589 с.
Замалеев А.Ф. 1995. Фазисы русской нравственности. Смысл жизни в русской философии. Конец XIX – начало XX века. СПб., Наука: 15–17.
Меденица В. 2022. Всеобщее спасение. Три лика одной идеи: Федоров, Достоевский, Соловьев. Философ общего дела: Материалы международных науч. чт. памяти Н. Ф. Федорова. М., ГБУК г. Москвы: 186–201.
Назаров В.Н. 2006. История русской этики. М., Гардарики, 319 с.
Пастернак Л.О. 2008. Н.Ф. Федоров. Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Книга первая. СПб., РХГА: 225–227.

References

- Abramov M.A. 2007. Russian cosmism: the idea of the unity of culture and multifaceted reality [Russian cosmism: the idea of the unity of culture and multifaceted reality]. Abstract of diss ... ii for the competition for an accountant. Art. Doctor of Cultural Studies. Saransk. 47 p.

- Artem'eva T.V. 1996. Istorija metafiziki v Rossii XVIII veka [History of metaphysics in Russia of the 18th century]. St. Petersburg, Aleteyya, 320 p.
- Bachinin V.A. 2001. Dostoevskij: metafizika prestuplenija: Hudozh. fenomenologija russkogo protomoderna [Dostoevsky: the metaphysics of crime: Khudozh. phenomenology of Russian protomodern]. SPb., Publishing House of St. Petersburg. un-ta, 407 p.
- Gromov M.N., Kozlov N.S. 1990. Russkaja filosofskaja mysl' X–XVII vekov [Gromov M.N., Kozlov N.S. 1990. Russian Philosophical Thought of the X–XVII centuries]. Moscow, Moscow State University, 288 p.
- Gusejnov A.A., Irrlitc G. 1987. Kratkaja istorija jetiki [A Brief History of Ethics]. Moscow, Thought, 589 p.
- Zamaleyev A.F. 1995. Fazisy russkoy npravstvennosti [Phases of Russian morality]. Smysl zhizni v russkoj filosofii. Konec XIX – nachalo XX veka. St. Petersburg, Nauka: 15–17.
- Medenica V. 2022. Vseobshhee spasenie. Tri lika odnoj idei: Fedorov, Dostoevskij, Solov'ev [Universal Salvation. Three faces of one idea: Fedorov, Dostoevsky, Solovyov]. Filosof obshhego dela: Materialy mezhdunarodnyh nauch. cht. pamjati N. F. Fedorova. Moscow, GBUK of Moscow: 186–201.
- Nazarov V.N. 2006. Istorija russkoj jetiki [History of Russian ethics]. Moscow, Gardariki, 319 p.
- Pasternak L.O. 2008. N.F. Fedorov [N.F. Fedorov]. N.F. Fedorov: pro et contra: v 2 kn. Kniga pervaja. St. Petersburg, RKhGA: 225–227.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 03.09.2023

Поступила после рецензирования 03.12.2023

Принята к публикации 30.01.2024

Received September 03, 2023

Revised December 03, 2023

Accepted January 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернышева Евгения Владимировна, соискатель кафедры философии, Московский государственный институт культуры, г. Химки, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenia V. Chernysheva, PhD student, Department of Philosophy, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russia.